

The background of the cover is a stylized illustration. It depicts a woman with long dark hair, wearing a dark, long-sleeved dress, standing on a stone ledge or roof. She has her arms outstretched. The sky is filled with numerous birds in flight, some appearing as dark silhouettes and others with more detail. To the left, there is a building with a window and architectural details. The overall style is painterly and somewhat abstract, with a muted color palette of greys, blues, and browns.

Таврида

**Александра
Зайцева**

**Дом,
сотворённый
из вторников**

Александра Васильевна Зайцева
Дом, сотворенный из вторников
Серия «Таврида»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55847230

Дом, сотворённый из вторников:

ISBN 978-5-907042-07-0

Аннотация

«Дом, сотворённый из вторников» – сборник стихотворений разных лет. История раскрытия большого мира для одного небольшого человека. Мира неоднозначного, тревожного, но и удивительного. Неповторимого для каждого из нас.

Содержание

Дом сотворённый	8
«Тишина из тишины...»	10
Ночное бессонное	11
«А тёплые места у Золотых Ворот...»	13
«Акробаты в моей голове как безумцы вращают сальто...»	14
Мой человек	15
О мышке	17
Пацифистическое	18
«Даша теперь не спляшет...»	19
«Здравствуй, город других законов...»	20
«Ничьи никчёмны, не нужны...»	21
Анкор, ещё Анкор!	22
Грустное-девочкино	23
«Знаю, однажды я стану мудрее...»	24
«Иосиф Виссарионович мог бы пожить как тёзка...»	25
Хохотать	26
«Царица пустынь...»	27
«Критик умыт и причёсан...»	28
«И только голос твой остался прежним...»	30
Белый бег по чёрному полю	31
Воинам Лизы Алерт	33

**Александра
Васильевна Зайцева
Дом, сотворённый
из вторников**

© Александра Зайцева, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Зайцева Александра Васильевна

Дом сотворённый

Дом сотворённый ветшает, пока ничей,
гибнут бесценные фрески, коллекции редких вещей.
Я – восхищённый смотритель,
зову: придите,
и торжественно жду гостей.

И они идут.
Одинокие, но чаще толпами,
Босоногие, но чаще топают,
сбивая с ботинок грязь на дубовый пол.
Мнят себя меньшим злом,
мажут углём
лозунги, имена и даты,
но чаще – три буквы матом.
Так великое воинство стало стадом,
а их пастыри – мелким жульём.

И одни приносят цветы в горшках,
другие – ночные вазы,
Но каждый сразу
ищет по вкусу место.
Как не расседишь – тесно:
сосед справа не вышел расой,
сосед слева противен рясой,

или просто плохое кресло.

И не хватит хлеба щербатым ртам —
Выпьют водки, закажут продажных дам...
Раз не вышло зодчество, брошу храм
и освою иные ремёсла.

Но сначала закрою двери, открою кран,
и второй, и третий, и сколько их там —
пусть льётся!

Только бы уследить, чтобы ушлый никчёмный хам
не успел добраться до шлюпки и взяться за вёсла.

«Тишина из тишины...»

Тишина из тишины,
Полумёртвые цветы,
Сквозь фарфор китайской вазы
Пролетают чьи-то сны.
Словно ветер в парусах,
Словно пепел в волосах,
Сны о тех, кто нас полюбит
И погубит в наших снах.

Ночное бессонное

1

А я всё так же сижу ночами с остывшим чаем
И глотаю книжную дрянь, спотыкаясь на каждой фразе:
О, как мило виконт пленяет и льнёт очами
К даме в тесном корсете, которая вся в экстазе.

Я хожу на балкон замерзать и курить до фильтра —
За оконным стеклом магнитола едва бормочет,
С хрипотцой и ленцой рассуждая в прямом эфире,
Почему мне подобных brutальный самец не хочет.

К четырём начинаю пить, выбирая не вкус, а градус,
Заполняю блокнот враньём – я художник, и я так вижу.
Как же вышло, что все улетели к звёздам, а я осталась
С белым флагом и фонарём, по колено в снегу, на крыше?

Как случилось мне стать посредственной, злой,
плаксивой?

Да плевать. Поздравляю меня с рассветом!
И не вздумай теперь вернуться, я не простила,
Заведу лучше кошку, чтоб в марте орать дуэтом.

И не было у неё никого – ни детей, ни мужа,
И после гостей оставались лишь грязные чашки.
Она обнимала кошку, та прижимала уши,
Она обижалась: не любишь меня, бродяжка?
И кошка совсем не любила, хоть и жалела малость
Двуногое существо, что суетится рядом:
Экое неуклюжее, вечно жующее гадость,
Травится табаком и своим же ядом...
Так и грустили обе в разных углах дивана —
В двух параллельных мирах на истёртом плюше,
Одна от того, что хозяйка на ночь окно закрывала,
Другая – от той же ночи, что заползала в душу.

«А тёплые места у Золотых Ворот...»

А тёплые места у Золотых Ворот
заняты,
кажется, я пропустила раздачу.
Осень. И дождь всё идёт и идёт,
Или я плачу?
Бог всех бездомных бродяг и дворняг,
грустных помойных кошек
ведь снизошёл, даже чуть приобнял
и подарил грошик:
Радуйся, детка, купи сухарей
и леденец на сдачу.
Осень. А дождь всё сильнее и сильнее,
Или я плачу?

«Акробаты в моей голове как безумцы вращают сальто...»

Акробаты в моей голове как безумцы вращают сальто,
Старый буфф скалит зубы и радостно бьёт в литавры.
Поднимая столбом опилки, по кругу летят кентавры,
А факира с утра несёт то огнём, то сталью.
Дамы в перьях и блёстках жеманно целуют змей,
Укротитель в бинтах – его твари раскрыли пасти.

Зал битком: пьют в партере, галёрка хрипит от страсти,
Неудачников топчет и давит толпа у дверей.

В голове моей маленький зритель сорвал чеку —
Он объелся Вестей, Новостей и Политдебатов.
Он крадётся ко мне по обломкам,
по рваным телам акробатов.

Мой человек

Человек, который пришёл ко мне, скорее хорош, чем плох,

У него есть семья, друзья и собака с затейливой кличкой,
Он моет ей лапы, выводит клещей и блох,
Но эта привязанность, как и другие, стала привычкой.
Он вежлив с официантами, сдержан с детьми,
Которые просят денег и никогда – совета,
Он не успел заметить, как они подросли,
Но был всегда в курсе, о чём написали газеты.

Этот пришедший – знаток политики и мировой истории,
Его ордена и заслуги в совсем недалёком будущем;
Он мог бы править страной, но всё так нелепо устроено,
Что приходится быть всего лишь конторским служащим.
Жена его тонкогуба, стала почти как мать,
Пахнет куриным супом, в чёлке седой волосок.
Она точно знает, что ему есть, что надевать,
И он не питает иллюзий, целуя её в висок.

Тот человек приходит по вторникам с чуть виноватой
усмешкой.
Ставит моё инвалидное кресло так, чтобы видеть улицу.
Я начинаю игру, как всегда, выставляя пешку,
И наклонившись к доске, он привычно хмурится.

Он – человек. Он скорее хорош, чем плох.
Он не даёт мне ныть, говорит, нельзя.
И знаете, без него я бы давно подох,
А так даже счастлив, съедая его ферзя.

О мышке

Тихая серая мышка идёт в магазин за картошкой,
Мёрзлые лапки в карманах худого пальтишка.
Ей бы спешить, дома злится голодная кошка,
Мышка бредёт кое-как, у неё передышка.
Мышка не ищет чудес, ей хватает витрин и неона,
Грязного снега и шороха узких покрышек.
Дальше не видно, мешают края капюшона,
Дальше – излишки
для грустных потерянных мышек.

Пацифистическое

*Группа крови – на рукаве,
мой порядковый номер – на рукаве.
Пожелай мне...*

В. Цой

Не пойду на войну.
Объяснюсь, что не знала. Просплю. Заболею ангиной.
Стыд полка – я теряю патроны и гадом зову старшину,
И, пожалуйста, хватит нотаций про долг гражданина,
Хочешь, к стенке поставь, хочешь – в угол, а я не пойду
на войну.

Не пойду на войну,
С детства крови боюсь, её дело – остаться под кожей
И не пачкать рукав. Нам довольно имён, номера не
нужны.
Может, скурим траву, а не ляжем в неё? Может,
это поможет?

Не пойдём на войну.
И представь, что они не пойдут.
И не будет войны.

«Даша теперь не спляшет...»

Даша теперь не спляшет,
не шевельнётся даже,
Даше сломали ноги, вывернули живот.
Брось её, эту Дашу,
мамочка не накажет,
мама из магазина Лизу тебе несёт.
Новенькие шарниры
в теле у балерины,
гнётся куда придётся, радостна и легка.
Будет твоей любимой!
Всё, расколола спину?
Ну не реви...
А хочешь, купим живого щенка?

«Здравствуй, город других законов...»

Здравствуй, город других законов,
Мне твой резкий смех не знаком.
Принимай меня по сезонам,
Принимай меня чужаком.
Белой костью, солёной кровью,
Я – диковинное зверье.
Поведёшь удивлённо бровью,
И полюбишь моё вранье.

«Ничьи никчёмны, не нужны...»

Ничьи никчёмны, не нужны,
Они – грошовые потери.
Уходят молча, без истерик,
Им в след печалются ханжи.
Декабрь повыстудил дворы,
Плюётся крошевом позёмки;
В квартирах наряжают ёлки,
Любуясь блеском мишуры.
А здесь метёт. Дрожит у ног
Приблудный пёс, льнёт тощим боком,
Он – свой, с ним обошлись жестоко,
Пинками накормили впрок.

Другие вдоволь съели хлеба,
Уже легли и что-то снят.
Ничьи гуляют, где хотят:
Замёрзли и ушли на небо.

Анкор, ещё Анкор!

Мой старик в запое, ругаю, кричит: «Не тронь,
у меня столько поводов, сколько на свете войн!»

Заряжает кассетник и слушает про огонь
батареи батяни-комбата.

Допивает водку, шлифует моим мускатом,
ближе к вечеру тащится в гастроном,

Возвращается скоро, гремит трёхэтажным матом:
продавщица, курва, затронула честь солдата,
назвала старпёром и алкашом!

Говорю: «Забудь, я налью тебе выпить и ляжешь спать».

Верещит: «Отставить! Я кончался в Афгане за эту лядь!»

Бреет щёки, утюжит брюки, велит подать
ордена, медали, парадный китель.

Я смотрю с балкона, как он отправляется воевать
с гнусным миром, который его обидел.

Мой старик упёртый, покажет торговой гниде!

Прав батяня-комбат, нам некуда отступать.

Грустное-девочкино

Мама в Италии пишет этюды.
Деда её называет «иуда»,
Бабушка хмурится, кличет «кукушкой»,
Быть мне велит послушной
И не выдумывать глупые сказки.

Мама грустит на открытой терраске,
Рядом с мольбертом в тени винограда.
Лето в Италии, здесь – снегопады,
Толстые льды, на дорогах заносы.
Как объяснить недоверчивым взрослым —
Мама ко мне не сумеет пробиться:
Птица кукушка – пугливая птица.

Мама в Италии пишет картину:
Пятиэтажка, подъезд, две машины,
Мёрзлые голые тополя,
Девочка в шубке... наверное, я.

«Знаю, однажды я стану мудрее...»

Знаю, однажды я стану мудрее,
всё принимая на слабые плечи.
Это пока я всё так же болею —
жизнь просто учит и просто увечит.
Вот я бегу, разбивая колени
о перекладины лестничных клеток,
чтобы стерпеть все закрытые двери,
грязные простыни, горечь таблеток.
Счастье потом, а пока, как умею,
не умираю, а просто взрослею.

«Иосиф Виссарионович мог бы пожить как тёзка...»

Иосиф Виссарионович мог бы пожить как тёзка,
но не хорош: щёки не била оспа,
взгляд не янтарно-карий,
а театральный френч
морщится на спине, опадает с плеч
тощими беззащитными рукавами.
Иосиф Виссарионович мог бы завлечь
массы на баррикады, вручить им знамя,
стать голытьбе не нахлебником, а товарищем,
быть всенародным пугалом, тараканищем,
слыть покровителем льдистых безбровых блонди —
нок,
вызвать колбасника Гюдлера на поединок
и одолеть.
Мог бы в полсилы, хотя бы на треть.
Но
злую подагру баюкая в утлой ванне,
плачет: «Иосиф, зачем не родился Ваней,
или Алёшей, но только не так, не так —
сам себе враг».
И ничего не сумел, хоть родители подвиги прочили
сыну: Иосифу Виссарионовичу Колокольчикову.

Хохотать

Между голых монархов ты в красном цыганском платье,
За вуалью ухмылка – обвисли зады у знати.
Дерзких видят насквозь, даром каждый второй близорук,
Они рады
Залётным бастардам,
Это бык тебе, это – круг.
Раз явилась к великим, станцуй на песке манежа,
Юбка станет мулетой, рискни, они любят свежих;
К чёрту терцию пик, бандериллий, начнут с финала,
Им не жалко
Тебя, зубоскалка,
Им тебя мало.
Бык угрюм, чёрен мастью, совсем не охоч до крови,
Гладишь жесткую шерсть: страшный зверь, а глаза
коровьи.
На трибунах колышется студнем монаршая стать,
Бык и ты
Наклонили лбы,
И давай хохотать,
Хохотать,
Хохотать!

«Царица пустынь...»

Царица пустынь,
Раскалённого ада,
Казалось – удача,
Казалось – награда,
Казалось – лекарство от тысячи хворей.
Любимая женщина – горькое горе.

«Критик умыт и причёсан...»

Критик умыт и причёсан,
Критик не шмыгает носом,
Критик садится за стол,
Ногами упёршись в пол,
Он открывает рот —
Кладёт в него заводной бутерброд
(лучше бы заводной апельсин,
но тот был один
и давно уж проглочен),
Критик жуёт
Рифмы, катрены, созвучья,
Сплёвывает в кулак косточки многоточий.
Потом вытирает губы,
Надевает ушанку и волчью шубу,
Достаёт из шкапа любимую трость:
Дуб, серебро, слоновая кость,
И как тать крадётся по спящим дворам —
Рубит головы авторским снеговикам,
Ломает носы снежным бабам,
Потому что пресно, бездарно, слабо!
А после, в студёных потёмках,
Сгребаёт снег и лепит котёнка
Маленького, трёхлапого,
Полосатого.

Но руки его горячи, и котёнок тает,
И мой инквизитор, мой господин,
Снова один.
Он один.
И рыдает.

«И только голос твой остался прежним...»

И только голос твой остался прежним,
И память душит, и минуты вспять,
Так пробивается сквозь лёд подснежник —
там солнце, значит, надо прорасти.
Так всё, что мучило, становится неважным
и неуклонно падает в цене.
А голос твой, он был всегда и в каждом,
кто знал меня и помнил обо мне.

К.В.

Белый бег по чёрному полю

Уважаемые знатоки хмурятся,
не хотят смотреть:
а если там смерть?
а если там голоса пилотов,
сбивчивый хриплый шёпот?
или сыплется крошево
снежных помех
и по нему, как птичьи следы, —
СОС?
или женщина, обязательно женщина,
где-то в хвосте
задаёт вопрос
в сотый, наверное, раз:
мы упадём?

Знатоки молчат, скорбные в чёрных фраках,
в чёрной комнате, глядя на чёрный ящик —
он настоящий, Господи, настоящий,
что в нём?

Капитан поднимает руку
и, не касаясь крышки,
раскручивает юлу,
оставляя «Ту»

самому себе.

Знатоки теряют очки,
самописцы пишут,
пассажирам снится лошадка.
Белая заводная лошадка
выходит на новый круг,
самолёт выпускает шасси
под мерный стук её ног
и скользит по глянцевой полосе
гладко.

Знатоки потирают виски,
просят виски
и берут музыкальную паузу.

Воинам Лизы Алерт

Это игра в потеряшки, в «пора – не пора»,
Сводки диктуют набор не особых примет:
Среднего роста, курнос, по сезону одет,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.